

VII. Часть седьмая:

Семьдесят лет в Аргентине

Блаженны изгнанные за правду.
(Евангелие от Матфея, 3, 10).

Historia magistra vitae.
(История учительница жизни).
Цицерон, римский сенатор.

Почему Аргентина?

Мои три сына и пять моих внуков и внучек давно просят меня описать, хотя бы вкратце, историю моего решения эмигрировать в Аргентину, а также и историю семидесяти лет моей жизни в Аргентине. Тем более, что в сентябре сего 2018 года исполнилось семьдесят лет со дня моего прибытия в Аргентину, вместе с моей матерью, Надеждой Леонардовной, урожденной Верженской, моими двумя младшими сёстрами Людмилой и Еленой и моим младшим братом Олегом. Мы прибыли в Аргентину на итальянском пароходе «Олимпия» из итальянского порта Генуя, кажется, 12 сентября 1948 года, в составе группы приблизительно в 500 русских эмигрантов. Сорок дней до этого, в Мюнхене, 31 июля, мне исполнился 21 год.

Мою краткую биографию на русском языке я несколько лет тому назад поместил на моем личном блоге: <http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar/> Затем, уже в этом 2018 году я написал по-испански краткую записку, в 40.000 знаков, для моих сыновей и внуков, о скитаниях семьи моих родителей в эмиграции, после Гражданской войны в России, до прибытия в Аргентину. Я её тоже хочу поместить на этот мой блог. Теперь они меня просят продолжить этот рассказ, и кратко описать мою семидесятилетнюю жизнь в Аргентине, а также объяснить мое решение прибыть в эту страну.

Я решил сперва рассказать об этом на русском языке, а затем, если Бог даст, написать испанскую версию этого рассказа. Именно автобиографического рассказа, а не статьи, хотя и не без некоторых теоретических и обобщающих умозаключений. Для этого необходимо сперва немного уточнить причины, почему мы вообще тогда, семьдесят лет тому назад, решили покинуть Западную Европу, а затем также объяснить почему мы тогда решили эмигрировать именно в Аргентину, а не в какую-нибудь другую страну.

Так как это автобиографические очерки, они являются подбором моих воспоминаний и моих личных, субъективных мнений, без излишних дипломатических осторожностей. В 90 лет я имею право открыто высказывать мои личные мнения. Даже если они и могут быть в той или иной мере ошибочными. Кроме того, в данном случае, я не обязан принимать во внимание господствующие мнения сильных мира сего. Я также высказываю некоторые мои личные предположения об исторических процессах, в которые я видел себя вовлечённым и которые я мог так или иначе лично наблюдать, прямо или косвенно, но я не настаиваю на абсолютной точности этих моих предположений. Это лишь мои личные мнения, которые сформировались на основании моих многолетних наблюдений и размышлений. Я называю по их имени некоторых лиц, которые уже скончались. Эти мои

воспоминания являются своего рода продолжением и частью моей вышеотмеченной автобиографии.

Засекреченный геноцид

Как я уже описал в моей автобиографической справке, конец Второй Мировой войны нас застал в баварском местечке Бухлое, 70 км. на юго-запад от Мюнхена, куда мы (моя мама, я, мои сёстры и мой брат) прибыли за два дня до прихода туда североамериканских войск. Вблизи этого городка находился средних размеров лагерь советских военнопленных и маленький концентрационный лагерь, в котором были заключены, как тогда говорили, главным образом поляки и евреи из Польши. Сразу же после прихода американских войск, освобождённые узники этих лагерей разбрелись по соседним городам, в том числе некоторые из них оказались и в Бухлое. В соседнем уездном городе Кауфбойрен, 20 км. на запад от Бухлое, оказалось довольно много поляков, а также группы галичан из Польши. Практически у никого из этих военных беженцев не было личных документов, а если и были, они сами их уничтожили.

Тогда вскоре прошла волна слухов, что советское НКВД будет вылавливать бывших советских военнопленных, для «добровольной репатриации» в СССР. По улицам некоторых баварских городков стали ходить военные патрули, состоявшие из двух американских военных и одного энкаведиста в советской форме. Они вылавливали на улицах бывших военнопленных красноармейцев и отводили их в специальные лагеря для «возвращенцев», откуда затем через некоторое время большинство из них отправляли в Сибирь, а некоторых расстреливали после пересечения баварской границы, как об этом тогда упорно говорили. Я лично тогда видел такие патрули на улицах города Ландсберг, в котором был такой лагерь возвращенцев.

По некоторым серьёзным данным, во время войны в немецком плену оказалось около пяти с половиной миллионов красноармейцев, из которых около трёх миллионов погибло в немецком плену по разным причинам, но главным образом от голода, так что к концу войны в Германии еще оставалось около двух с половиной миллионов бывших военнопленных красноармейцев. Все они уже были большими «экспертами» по выживанию в любой политической обстановке, ибо были случайно выжившими свидетелями и жертвами этого колоссального геноцида, о котором сегодня никто не хочет говорить, по разным причинам. Эти жертвы тогда стали важным психологическим козырем в дальнейшей войне, ибо после этого геноцида уже больше никто не хотел никоим образом попадать в плен к немцам.

Вскоре после войны, среди них циркулировала версия, что вблизи самого Гитлера находился сверхсекретный агент Сталина, который и толкал Гитлера на такую самоубийственную для него политику. Среди части немецкого армейского командования, говорили они, были люди желавшие не только более по-человечески относиться к взятым ими в плен русским военным, но и искавших каких-то возможностей для того чтобы их как-то использовать. Но национал-социалистические партийные сексоты доносили Гитеру на них, как на врагов режима. Гитлер затем посылал в армейские части своих соглядатаев, чтобы это проверить. Якобы для этого и переодевали иногда в немецкую форму советских военнопленных, работавших в некоторых немецких частях, как вспомогательные элементы. Красноармейская форма военнопленных за рулем немецких грузовиков бросалась в глаза и могла стать губительной для командиров этих частей. Интересно, что начальник немецкой разведки на советском фронте генерал Гелен утверждает в своих мемуарах, что без всякого сомнения около Гитлера был такой провокатор, назвать имени которого тогда боялись даже очень высокопоставленные немецкие военные. Гелен намекает, что это был Борман. Бывшие советские военнопленные также были свидетелями, и об этом неустанно говорили, что военнопленные всех других воевавших с немцами стран получали во время войны один или два раза в месяц посылки от Международного красного креста, что им помогало выживать в немецком плену. Они же

не получали ничего, ибо советская власть не хотела подписать Женевские конвенции о военнопленных. Это тоже повлияло на их категорический антикоммунизм и на их враждебность по отношению к советской власти. Многих из них спасло то обстоятельство, что немецкие войска терпели большие уронь, и командиры некоторых немецких частей вблизи фронта употребляли советских пленньх в качестве водителей, санитаров и других подобных помощников, взамен за краюху хлеба. Со временем, многих из них переделали в немецую форму по разным соображениям. Другие же были отправлены на работу в Германию, как разные специалисты.

Например, я лично хорошо знал инженера-механика из Киева Льва Николаевича Савинского. Его часть Красной Армии была полностью разгромлена в первые же месяцы войны. Он с одним товарищем вырыли ямы в поле и там спрятались от немцев. Через два дня их выловили в жалком состоянии и заключили в лагерь военнопленных недалеко от фронта, в котором уже находились тысячи пленньх красноармейцев. Через пару недель около половины из них скончались от голода, холода и ранений. Тогда вдруг к ним в лагерь прибыли посланцы из какой-то фабрики под Берлином, и стали искать токарей на токарных станках, которым обещали дать хлеба. Он тоже вызвался, ибо умел работать на станке. Он уже потерял несколько зубов от цынги, от голода. Их группу повезли на завод в Берлин, где он проработал до конца войны. Затем он оказался в Аргентине, уже как старый эмигрант, в рамках РПЦЗ. Его выбрали председателем Ревизионной комиссии Свято-Сергиевского прихода РПЦЗ в Бажестере. Он жил в нескольких кварталах от меня и был исключительно хорошим и милым русским человеком из Киева. Уже после падения коммунизма, он собирал помощь лекарствами для России. Я повёз два чемодана собранных им лекарств в Россию в 1992 году, когда я впервые поехал на встречу с суворовцами и нахимовцами. Затем Л. Н. Савинскому в местном посольстве РФ дали орден ветерана ВОВ, и он очень им гордился. Он несколько раз ездил в Москву для передачи помощи детям и старикам, и уже в здешнем аэропорту надевал этот орден. Политикой он не занимался.

РПЦЗ, да и вся старая русская эмиграция, приняли в свою среду всех этих выживших жертв этого ужасного геноцида с христианской и русской любовью и без дискриминации. Все они затем полностью растворились в среде Русской Эмиграции. У меня лично было много близких друзей из этих выживших жертв и свидетелей этого геноцида.

«Перемещенные лица» в Американской зоне Германии

Вдруг тогда прошел слух, что в Кауфбойрене открыт, с разрешения военных властей Армии США, украинский комитет, который выдает какие-то документы. С этими документами, мол, не будет затруднений с оккупационными властями. Почти все иностранцы в Бухлое рьнулись в Кауфбойрен, в том числе и я, на всякий случай. В большой очереди перед украинским комитетом я познакомился с моими будущими тремя друзьями из России. Они мне сказали, что их зовут: полковник Красной армии Фёдор Семанковский, комиссар Красной армии Потоцкий (имя не помню) и рядовой Красной армии Жорж Славинский, все бывшие военнопленные красноармейцы. Они мне сказали, что они скрывают, что они бывшие военнопленные краноармейцы, ибо их тогда могут репатриировать в СССР, для чего они и стоят в очереди за украинскими документами. У них, сказали они мне, польские фамилии, ибо их предки из польской Галиции, но никаких документов они не имеют. Я спросил комиссара, не из графов Потоцких ли он, чтоб к нему соответственно обращаться. Он мне ответил, что он их дальний родственник. Все они тогда получили документы по-английски, что они украинцы из Галиции, хотя потом они мне признались, что «Федька полковник» на самом деле из Сибири, Жорж Славинский – студент из Смоленска, а комиссар не хотел ничего уточнять, ибо комиссаров немцы расстреливали с места в карьер и он по инерции еще очень всего боялся. Мне тоже выдали такой же документ, с моей фотографией, что я украинец из Галиции и что я – электрик. Я его до сих пор сохраняю. Только вместо латинского «G» в моем имени Игорь, мне тогда

проставили латинское «Н», несмотря на мои протесты. С этими документами мы могли разъезжать по Баварии, и главным образом ехать в Мюнхен, что для нас было очень важно, ибо в Мюнхене был большой «чёрный» базар, на котором можно было купить еду.

Вскоре в Бухлое неожиданно прибыла большая группа певцов из Одесской оперы. Они хотели как-то работать. То есть петь, а значит – есть. Федька полковник, бывший охотником в Сибири и награжденный чуть-ли не лично Сталиным за инициативу в одном бою за важный пункт на немецком фронте, а затем взятый немцами тяжело раненным в плен в боях под Будапештом, решил, что он будет их эмпрессарио. Мне он предложил быть его секретарём и переводчиком, ибо я говорил по-немецки и знал около 20-и английских слов, а комиссар и студент будут организаторами выступлений. Мы пошли к местному коменданту американских войск, в чине капитана, и предложили ему концерты для развлечения американских солдат. Ему эта идея понравилась, только он порекомендовал подчеркнуть, что на самом деле все мы – поляки, ибо Галиция входила в состав Польши. Поляки мол взяли боем Монте Касино в Италии, чего не смогли сделать ни англичане ни французы. Так что мы будем афишироваться как польские артисты, и должны говорить *«юй ар полишь артистс»*. Кроме того, мы должны это делать даром, лишь на добровольные пожертвования долларами или папиросами. Кроме того, мы должны взять себе какое-нибудь имя. Я тогда сразу же наивно предложил *«Мику Маус компани»*, что вызвало восторг у Федьки полковника и согласие у коменданта. Так мы организовали несколько концертов для американских солдат в Бухлое и в окружающих местах. Мы получали немало папирос, шеколада и даже долларов, бросаемых в коробку, стоящую при входе в зал, которые мы делили поровну между артистами и нами. Одна пачка в 20 американских папирос стоила тогда 200 немецких марок, а килограмм хлеба 10 марок. Месячное официальное жалование немецких служащих тогда было около 200 «рейхсмарок». Однако вскоре кто-то на нас донёс, что мы не поляки с украинскими документами, ибо говорим между собой по-русски и даем русские, а не интернациональные концерты, только лишь с русскими вещами, и это дело тогда прекратилось. Певцы поехали куда-то дальше.

Вскоре по всей американской оккупационной зоне была организована военными властями проверка и перепись всех иностранцев, для определения кто является военным беженцем, то есть *«перемещенным лицом»*, согласно определению ООН. Этим занималась какая-то спецслужба. К нам в Бухлое прибыл один полковник канадской военной разведки, в сопровождении переводчика румына, чтобы лично допросить всех проживающих в этом городе иностранцев. В Бухлое тогда оставалось около ста иностранных беженцев: 1 румын, 1 итальянец, 1 латышь, 1 югославянин, несколько поляков. Все остальные были «украинцы». Евреи образовывали отдельную группу. Нужно сказать, что между всеми иностранцами тогда в Германии были хорошие и даже дружественные отношения, доходяще до значительной взаимопомощи, без никаких дискриминаций. Проверялись все, включая дети старше 12 лет. Кто удачно проходил эту проверку, которая называлась *«скрининг»*, официально получал статус *«перемещенного лица»*, или ДП (*«Ду Пу»*, от *Displaced person*). Этот статус позволял нам также получить от немецких властей немецкий внутренний паспорт, так называемую «Кеннкарте», в котором были указаны наши гражданство и верисповедание, в случае моей семьи: бесподданные и греко-православные. Также отмечалось в этом документе, что мы прошли проверку и что мы не нацисты.

Согласно некоторым источникам, к концу войны в Германии оказалось около 10 миллионов иностранцев, из них около 7 миллионов советских граждан, всех категорий (бывших военнопленных, заключенных в разные лагеря, рабочих и просто беженцев). Число же проверенных и зарегистрированных «перемещенных лиц» всех национальностей через пару лет достигало почти полутора миллиона человек, из которых один миллион был перемещен за океан организацией ОН «IRO» (по-русски МОБ). Эта организация

явилась на смену организации ЮНППА. В ИРО не входил СССР, ибо он отказался финансировать переселение беженцев, а требовал их репатриации, независимо от их воли.

Так мы получили право получать двухнедельный паёк еды, что было очень важно, ибо в Германии тогда не было ничего в свободной продаже. Все живущие в Бухлое иностранцы тогда были зарегистрированы как члены одного лагеря, хотя такой физически не существовал. Американские власти в большинстве случаев назначали начальниками таких «лагерей» прибалтов, якобы потому что они говорили на трёх тогда официальных языках: английском, немецком и русском и понимали полу-официальный польский язык. На лагерь в сто человек полагалось также два заведующих складом и один лагерьный полицейский. Они не получали никакого жалованья ни поблажек. Полицейским назначили меня, ибо про меня говорили, что я говорю на всех языках, и выдали мне соответствующий документ по-английски, который я до сих пор сохраняю. Два раза в месяц, один заведующий складом, вместе с полицейским, то есть со мной, должны были ехать в большой лагерь ДП в Аугсбурге, 40 км. на север от Бухлое, где нам выдавали из склада организации ООН для беженцев продукты на всю нашу группу.

Этот лагерь в Аугсбурге официально считался украинским, но большинство беженцев в нём были русские, главным образом бывшие воннопленные красноармейцы, которые говорили, что они галичане. Он располагался на окраине города в комплексе бывших немецких военных казарм. В нём было около 5000 человек, как нам сказали, и в нём тогда находилось *«правительство Украины в эмиграции»*, во главе с их *«президентом Украины в эмиграции»*, который гулял с важным видом по лагерю в сопровождении своего телохранителя. При входе в лагерь была караульная будка, в которой сидело около пяти вооружённых охранников. Один из них был галичанин, а остальные были, по всей видимости, бывшие пленные красноармейцы, которые старательно искажали русский язык на украинский лад и с времени на время громко говорили: *«Як це маєте»*. Я одного из них спросил, почему он не говорит со мной прямо по-русски, и он мне тогда ответил, что *«цыплёнок тоже хочет жить»*. Нас в будке предупредили, что «президента» нельзя «крыть матом» ни показывать ему язык (видно такие случаи были), ибо сопровождавший его «адъютант» раньше был полковником СС и может нас побить. Заведующий нашим складом, бывший рядовой красноармеец из Украины, меня с удивлением спросил, что эта клоунада значит. Я ему тогда сказал, что это никакая не клоунада, а повидимому репетиция каких-то засекреченных извилин тогда только-что начинавшейся «холодной войны». Я тогда вообще считался среди Ди-Пи экспертом по международным делам, ибо я родился и учился за границей и говорил на нескольких языках. Но в советских делах меня считали профаном, ибо, как они говорили, я не имел ни малейшего понятия, что такое на самом деле коммунизм. Они же (т. е. бывшие красноармейцы) его хорошо знали и никто их в этом не мог переплюнуть.

Мы получали наш двухнедельный паёк и возвращались в Бухлое, где в следующие дни делили его поровну между всеми «перемещёнными лицами» в нашем городке. На нашу семью в пять человек в Бухлое перепали приблизительно следующие продукты, насколько я помню: 1 килограмм муки, 1 килограмм риса, 1 килограмм сахара, две баночки аргентинского «корнед бифа», две консервные баночки американской свинины с вареньем из ябвы, две плитки чёрного шоколада по 450 грамм. Это сегодня кажется немного, но тогда это было очень много, ибо дополняло нашу немецкую диету из картошки и капусты.

Последнее «перемещение», за океан

Вскоре нам сообщили, что через два года все беженцы должны будут покинуть Германию. Кто захочет остаться после конца 1949 года в Германии потеряет статус беженца и право на помощь. Мы должны были готовиться к переезду в заокеанские страны и посему должны были записаться на бесплатные специальные для нас курсы английского или испанского языка. Я записался на оба курса, но вскоре бросил оба, ибо не понимал ни терпел никакой грамматики. Кроме того, я вообще не хотел покидать Европы

и переезжать куда-то за океан. Большинство же оставшихся тогда еще в Германии беженцев только и мечтали о том, чтобы переехать в Северную Америку, в Канаду или в Австралию, «*подалее от Йоськи*», как они говорили. Меня же они спрашивали, что я буду делать во вражеской Германии, желающей избавиться от иностранцев, когда у меня больше не будет покровительства ООН и не будет могучей кампании других иностранцев.

Но я никак не хотел покидать Европы. Я тогда еще болезненно переживал эмиграцию из Белграда. Это было сильное эмоциональное чувство. Например, цвет травы в Германии мне казался иным, чем в Югославии, и я это переживал с горечью. Еще хуже обстояло дело с разговорами на отвлеченные темы. Один немец, выглядевший совсем культурно, мне сказал, что Чайковский был евреем, ибо окончание его фамилии ерейское, как и у Достоевского. Другой немец, из захолустного Бухлое, мне сказал, что Белград это *Drecknest*, грязное гнездо. Мне нравились немецкий порядок и немецкая организация, но не нравилась средняя культура средних немцев. Сербь были гораздо выше в этом отношении и с ними разговоры были более приятными. Я боялся, что за океаном будет еще хуже.

Я тогда даже записался на юридический факультет снова открывшегося Мюнхенского Университета. Я еще в Югославии говорил с моим отцом, когда мне было 14 лет, что я хочу быть уголовным судьей, и он тогда мне отвечал, что быть юристом и судьей – не плохо. Меня в Мюнхенский юридический факультет приняли без особенных затруднений, ибо я сказал что я беженец. В Германии тогда было два магических выражения или формулы: *total zerbombt* или *Fluechtling, alles verloren*, т. е. «*всё потерявший в бомбардировках*» или «*всё потерявший беженец*». Меня лишь в течении пяти минут допросили где я учился и какие предметы я учил. Таким образом, если бы я остался тогда в Германии, через четыре года я мог бы стать немецким юристом. Однако, все мои друзья-беженцы тогда мне стали говорить, что это было-бы для меня бесперспективно и даже неприятно, быть немецким юристом среди немецких юристов. Моя же мать категорически хотела уехать из Германии, хотя она свободно и очень хорошо говорила по-немецки еще со времен её дореволюционной учёбы в Киевском институте для благородных девиц. Если бы можно было вернуться в Россию или в Югославию, она бы и не думала о переезде куда-то за океан, но нас не хотели ни в России ни в Югославии, ибо мы были «врагами народа». Кроме того моя мать, как и большинство беженцев, очень устала от нескончаемых бегств от военных и революционных фронтов и от следующих за ними бедствий и страданий.

Историческая роль РПЦЗ

В этот момент вдруг в нашу такую психологически сложную обстановку ворвался луч выхода из положения. Наша Русская Православная Зарубежная Церковь решила этот вопрос за нас: она стала хлопотать перед правительством Аргентины о переселении десяти тысяч русских белых эмигрантов в эту страну.

До сих пор мало обращалось внимания на фундаментальную роль нашей РПЦЗ в жизни Русской Эмиграции и Зарубежной Руси вообще. Как известно, историческими учредителями Русской эмиграции были РПЦЗ и РОВС. Об этом не раз писалось в Кадетском Письме. Русская Зарубежная Церковь была действительно Путеводительницей Русской эмиграции и вообще Зарубежной Руси. В той же послевоенной Германии, в каждом местечке где оказалось хотя бы пару десятков русских эмигрантов, бывших воннопленных красноармейцев или беженцев, РПЦЗ автоматически проявляла свое присутствие. К нам в Бухлое, каждое третье воскресенье регулярно приезжал русский православный священник и служил в одной местной римо-католической часовне Божественную Литургию и другие требы. В соседней уездной столице Кауфбойрен происходило то же самое. Когда мы еще во время войны были в лагере в одной большой школе в Чехии, у нас был постоянный священник, который потом вместе с нами приехал в Аргентину и был учредителем нашего прихода в пригороде Вижа Бажестер. Отцу протоиерею Иоанну Грамолину было около ста

лет и он гордился тем, что он стал священником еще при Царе. При советской власти он скрывался и одно время работал простым рабочим, но продолжал тайно крестить русских детей, а иногда и взрослых. Я счастлив, что я мог у него исповедываться. Венчал меня и крестил моих трёх детей в Буэнос-Айресе митрофорный протоиерей Тимофей Соин, царский дьякон, как он говорил, затем узник Соловецкого концлагеря для русского духовенства, а в Эмиграции Настоятель Вокресенского Кафедрального Собора РПЦЗ в Буэнос-Айресе. Он был донским казаком и всю жизнь ходил в сапогах, даже в страшную жару в Буэнос-Айресе. Оба они принадлежали к Русской Православной Церкви в ея тройном проявлении в современном мире: Они состояли в «Русской Царской Православной Церкви», как они говорили, затем в «Русской Православной катакомбной Церкви» и наконец в Русской Православной Церкви Заграницей.

Наша Зарубежная Церковь постоянно проявляла в Эмиграции не только высокую духовную заботу о несчастных скитающихся русских людях, изгнанных из своей Родины, но также и невероятную организационную работу для обеспечения этой заботы. Все духовные вожди РПЦЗ стояли на такой духовной и нравственной высоте и обладали такими организационными и дипломатическими способностями, что позднейшие жалкие оппозиционные попытки критики каких-то злополучных и частично подкупленных спецслужбами раскольников выглядят хамскими и отвратительными. К тому же, иногда лидеры этих раскольников не имеют действительного отношения ни к Русской Церкви в России ни в Зарубежной Руси. Я лично знал пятерых, из шести, Первоиерархов нашей Зарубежной Церкви: митрополитов Анастасия, Филарета, Виталия, Лавра и Илариона. Первый Первоиерарх, митрополит Антоний, скончался когда я был еще очень маленьким, но меня крестили в русском Свято-Троицком Соборе в Белграде, в котором стояла его кафедра. Все они были на недостижимой высоте, во всех отношениях. С последними двумя митрополитами я имел честь и счастливую возможность вести неоднократные разговоры. Нельзя забывать, что глава РПЦЗ Митрополит Лавр достиг канонического объединения РПЦЗ с Патриархатом РПЦ в Москве, возглавляемым тогда патриархом Алексием, который раньше тоже принадлежал к РПЦЗ в Прибалтике

В связи с нашим переездом в Аргентину семьдесят лет тому назад, я хочу поделиться с моими читателями некоторыми историческими гипотезами, ибо одна из них, как мне кажется, частично объясняет причины нашего сюда последнего эмигрирования.

Три исторических предположения

Первое предположение на самом деле высказал мой отец, через пару недель после нападения Третьего Рейха на СССР. После начала войны, в течение более чем недели не было никакой информации об этой войне. Затем вдруг немецкое командование опубликовало информацию о стремительном продвижении немецких войск вглубь СССР, а также сообщило о большом количестве военнопленных взятых в плен. Все тогда стали говорить, что немцы вскоре победят. У нас в доме по воскресеньям собирались четыре игрока в преферанс. Кроме моего отца это были один бывший земский судья, один казачий офицер, а кто был четвёртый я сегодня уже не помню. Они все, кроме моего отца, говорили то же самое: при таком стремительном продвижении немцев, война скоро закончится их победой. Однако, мой отец, который четыре года сам воевал с немцами во время Первой Мировой войны, и был четыре раза ранен немцами, тогда сказал, что в плен немцам сдаётся красная армия, которая научена бороться за победу интернационального пролетарията и за мировую революцию, а не за Россию. Когда же большинство ея бойцов сдаётся, на поле боя вступают ветераны Первой мировой войны и новые новобранцы. Они не будут так сдаваться, ибо будут бороться за Россию, и через пару лет немцы будут побеждены.

Схожее мнение я затем прочитал лет пятнадцать тому назад в воспоминаниях начальника немецкой военной разведки на советском фронте генерала Гелен. Он пишет, что он тогда прочитал доклад в Берлине, кажется в декабре 1941 года, перед

выпускниками Академии немецкого генштаба, в котором он высказал свое предположение, весьма схожее с предположением моего отца, сделанном в начале июля 1941 года. Гелен тогда сказал, что сдача большинства Красной армией еще отнюдь не значит, что в руках немцев оказался весь военный человеческий потенциал России. Гелен пишет, что он сделал этот анализ на основании данных переписи Советского Союза за несколько лет до войны. Гитлер пришел в бешенство от такого анализа, и немецкие генералы больше не пускали Гелена на глаза Гитлеру. Вместо Гелена Гитлеру в будущем докладывали его помощники из разведки, немцы из Прибалтики, учившиеся еще в русских императорских средних школах, которые имели более широкий культурный кругозор, чем выпускники немецких школ, пишет Гелен.

Второе предположение неясно высело в воздухе в некоторых церковных кругах в оккупированной части России. Дело в том, что, как многие знают, Синод РПЦЗ послал в Россию несколько тысяч антиминсов для того, чтобы на них можно было служить Божественную Литургию. Из соседних стран в Россию тогда тоже было направлено немало миссионеров, включая священников. Происходили также и хиротонии новых епископов на занятых немцами территориях, даже несмотря на неприязнь немцев. Тогда, вдруг наступил такой исторический момент, когда вне досягаемости советской власти оказалось больше русских православных епископов во главе своих епархий, чем на территории подвластной Сталину. Идея выбора Патриарха вдруг стала потенциально возможной, и вот тогда Сталин и решил молниеносно опередить возможность любой подобной инициативы. Тогда за пару дней, по приказу Сталина, было собрано 16 архиереев, в том числе и некоторые из них, находившиеся до этого в заключении. Что это не была полнота Русской Православной Церкви, косвенно подтвердил также и сам «провозглашенный аккламацией» патриарх Сергей, подчеркнувший тогда в своем слове, что он продолжает исполнять свои прежние обязанности, с прежними правами, но лишь с новым титулом. Получается, что он выводил свою легитимность больше из своего *status quo ante*, чем из аккламации спешно созванного Сталиным Собора. При этом будет не лишним подчеркнуть, что легитимность церковных институций перманентно возрождается при каждом легитимном Соборе канонических епископов и не нуждается в наследственности от предыдущих назначений. Я не знаю так ли это и возможно ли было такое предположение, но я его упоминаю, чтобы показать в атмосфере каких предположений мы тогда жили. Некоторые считали, что эти темы лучше не трогать, но другие ссылались на историю Древней Церкви, когда публичному обсуждению подвергались не только разномыслия на церковные темы, но даже и богословские вопросы.

Третье предположение мое. Уже сразу после окончания войны, Синод РПЦЗ понял, что большинство миллионной массы русских эмигрантов обеих волн стремится в Северную Америку. Русская Церковь должна была следовать за своей паствой, и так были благовоменно созданы монастыри в США и в Канаде, с духовной сминарией и типографией в одном из них. Но одновременно, Синод понимал также, что не все русские эмигранты смогут и захотят переехать в эти англоязычные страны и что не все в состоянии «делать Америку». Так выбор пал на Аргентину.

Вместе с несколькими тысячами пожилых русских эмигрантов, включая также и не могущих больше нигде работать, в Аргентину было направлено около десяти священников РПЦЗ. Авангардом в Буэнос-Айрес были посланы два энергичных и сравнительно молодых священника, со знаниям языков и зарубежным опытом: архимандрит Михаил Чалый, бывший видный архитектор из Праги, и протоиерей Георгий Романов, из Белграда. Первый нанял в городе Буэнос-Айресе большой дом с двором. Дом он переделал под православный Храм, а во дворе оборудовал помещение для приюта немощных беженцев. Так он учредил новый Воскресенский приход РПЦЗ. О. Георгий купил большой участок земли в пригороде Кастиляр, около 20 км. от центра Буэнос-Айреса, на котором он начал постепенно строить Храм Всех Святых в России просиявших, с нижним Храмом и Усыпальницей, а также два дома для старческого приюта. В течение следующих десяти

лет, русские эмигранты построили в Аргентине около десяти православных храмов и часовень, в том числе и кафедральный собор Воскресения Христова в Буэнос-Айресе.

Коррдинация последнего перемещения

Окормлявший нас в Бухлое священник РПЦЗ тогда снова записал всех желающих ехать в Аргентину. Я не записался, но моя мама меня записала. Записанных стали вызывать в соседний городок Бад Верисхофен, где находился административный центр ЮНРРА, организации для беженцев при ООН. Нас там снова допрашивали и делали медицинский осмотр. У моего десятилетнего брата Олега нашли в лёгких следы повреждений от голода, и ему дали какие-то лекарства и добавочный паек. Почему-то особенно проверяли глаза, чтобы не было трахомы. Дали заполнять вопросники, по-немецки Fragebogen. Их было несколько вариантов, короткие и подлиннее. В некоторых из них стоял приблизительно такой вопрос: *Что вы думали 7 декабря 1941 года?* Мне пришлось снова быть политическим советником, Я рекомендовал писать: *Я был опечален, или что-то в этом роде.* Оказалось, что это было правильно, ибо потом мы узнали, что в этот день японцы бомбили Перль-Харбур. Нам сказали, что мы больше не будем украинцами, а бесподданными, ибо Аргентина принимает нас, как русских «бесподданных», рекомендованных РПЦЗ. Всей этой сложной операцией перемещения десяти тысяч русских эмигрантов за океан занимались ЮНРРА и Толстовский Фонд, при содействии оккупационных властей.

Через какое-то время, в назначенный день, за нашей группой записавшихся в Бухлое приехал американский военный грузовик. Опять же аналогичная норма: можно брать с собой всё, что можно самим насти в руках. Опять были прощания, слёзы и большая грусть. Нас повезли в собирательный лагерь в Мюнхен, где мы пробыли несколько дней, вместе с другими группами из приходов РПЦЗ, всего около 500 человек, во время которых мне исполнился 21 год. Затем всех нас отвезли на железнодорожную станцию и посадили на приличный поезд, начальником которого был сержант Армии США, с револьвером в кавбойской кобуре, который он часто вынимал, при малейшем затруднении. Повидимому ему сказали, что он должен охранять каких-то важных лиц и довести их до Парижа. Когда мы приехали на Северный вокзал в Париже он шёл впереди нас с револьвером в руке и кричал по-английски: *«эй, френш-мэн, посторонитесь!»*.

В Париже наша группа была размещена по разным мелким гостиницам и пробыла целую неделю. Мы должны были получить в Аргентинском посольстве паспорта Швейцарского красного креста, с аргентинской визой. Во всех паспортах было указано, что мы бесподданные, а также и наша профессия, в большинстве случаев – электрик. Почему – не знаю. Это вызывало дикий восторг у некоторых бывших красноармейцев, ибо теперь, как они говорили, они больше не были ни советскими гражданами ни украинцами, а русскими белыми эмигрантами. Через неделю нас повезли поездом в Геную. Мы смогли увидеть красоту французской Ривьеры, а в Ницце из окон мы увидели купола русского Храма. Русская церковь присутствует практически во всем мире. Какая благодать! В Генуе нас посадили на итальянский корабль, который сразу же через пару часов вышел в море.

Приблизительно через тридцать дней мы прибыли в Буэнос-Айрес. Во время этой морской поездки, на итальянском корабле, через пару дней уже был установлен интенсивный русский быт, в который были вовлечены также и итальянские матросы, включая капитана. По воскресеньям мы сдвигали столы и стулья в одной из столовых и отец Иоанн Грамолин служил Божественную Литургию. Организовался большой и хороший хор. На Богослужении присутствовали также и итальянские матросы, а их боцман был главным прислужником. Наполитанцы, калабрийцы и сицилианцы генетически, иногда лишь подознательно, помнят, что много веков тому назад они состояли вместе с русскими в одной и той-же Царьградской юрисдикции.

Почти каждый вечер состоялся маленький концерт, а после концерта – танцы. Надо было как-то забыть геречь очередного перемещения, уже тогда понимаемого, как

последнего. Бывшие журналисты из СССР стали вывешивать свою стен-газету, из которой мы узнали о блокаде Берлина. В самом начале плавания, группа бывших офицеров создала команду, на случай попытки повернуть наш корабль не в сторону Гибралтара, а в сторону Одессы. Один бывший полковник Красной армии мне тогда сказал: У нас всё рассчитано: капитан в море, я принимаю команду, а ты будешь моим переводчиком. К счастью, ничего подобного не состоялось. При переезде экватора, был организован колоссальный бал, с Нептуном и выбором королевы, каковой была провозглашена моя тогда 17-летняя сестра Людмила, скончавшаяся в 2010 году в Бажестере.

В авангарде Зарубежной Руси

Нас высадили в порту Буэнос-Айреса и сразу же поместили в т. н. Гостинницу эмигрантов, находившуюся рядом. Когда наш корабль причалил, мы увидели с палубы стоящего а порту священника в православном облачении и с крестом на груди. Сходя с трапа, мы подходили к нему за благословением. Кто-то его спросил, как его зовут, и он ответил: отец Филипп. Это был иезуит патер Филипп де Режиc, французский аристократ и возглавитель ватиканского учреждения Восточного Обряда «Руссикум». Он прекрасно говорил по-русски и специально прибыл за несколько месяцев до нас из Рима в Аргентину. Он купил маленькую типографию и начал издавать еженедельную газету на русском языке «За правду». Он много помогал руским буженцам, особенно с поисками работы и квартиры.

На другой день было воскресенье и человек 20 из нашей группы пошли пешком в храм Святой Тоицы на улице Бразиль, построенный в основном на деньги императора Николая Второго в начале XX века, по просьбе православных югославын, греков и сирийцев. Это была раньше Посольская церковь при Русском Императорском Посольстве, а её настоятель числился как аташе при этом Посольстве. Пошел и я, хотя это было около двадцати кварталов. Туда шел трамвай, но у никого из нас не было на него денег.

После богослужения мы узнали от старожиллов много данных про Аргентину, а также что сюда ожидается наплыв видных лидеров Русской Эмиграции. Уже прибыл вождь народных мнархистов Иван Лукьянович Солоневич, который издает еженедельную газету «Наша Страна» и видные руководители НТС Евстафий Игнатъевич Мамуков и Юрий Алексеевич Герцог, которые издают журнал «Вече». Также должны прибыть из Бельгии лидер Имперского Союза-Ордена Николай Сахновский. Кроме того, уже прибыл, как нам сказали, присланный русскими масонскими кругами из Парижа, некий Мещерский, который стал работать в одной нефтяной английской фирме и одновременно заниматься филантропической деятельностью среди русских и стараться помочь нашей Церкви в юридических хлопотах, как он говорил. Также прибыли некоторые лидеры оганизации власовцев СБОНР («Союз борьбы за оосвобождение народов России»), состоящем в своем большинстве из технической советской интеллгенции, которые однако не все состояли в РОА, но симпатизировали Власову. Также прибыло, и дальше прибывало, довольно много русских императорских офицеров, состоящих в РОВС-е, и русских императорских и зарубежных кадет.

В Аргентине жили и скончались восемь русских генералов, несколько десятков полковников, около двадцати пажей Его Императорского Величества, около сорока Георгиевских Кавалеров и более двадцати офицеров Русского Императорского Флота. Также прибыло около 300 кадет Русских Императорских и Зарубежных Кадетских Корпусов.

Мы поняли, что мы оказались в авангарде послевоенной Русской Эмиграции. Однако, мы также узнали, что нам придется браться за любую работу и, главным обрaм, как-то разрешить вопрос где жить, ибо для снятия тогда квартиры в Аргентине требовалось дать задаток и представить коммерческую гарантию. Такие возможности для членов нашей группы тогда были лишь у нескольких человек. Перспективы были очень серьезные.

Первые шаги в Аргентине

В Гостиннице эмигрантов нас не плохо кормили три раза в день. Мы могли свободно из неё выходить и в неё входить между 8 и 20 часами. Нам сказали, что мы можем оставаться бесплатно в гостиннице не более 10 дней, а затем мы должны освободить наше место, ибо прибывала новая партия русских беженцев. Как мы дальше будем устроиваться, без денег, без языка, без работы и, самое главное, без квартиры – это было частное дело каждого.

Помогала информация русских старожилов. Надо было читать объявления в английской и в двух немецких газетах, выходивших тогда в Буэнос-Айресе. Женщины должны были поступать прислугами к богатым аргентинцам, с условием предоставления жилища. Мужчины должны были искать по объявлениям большие постройки (фабрик и подобных объектов) и наниматься тоже с условием предоставления жилища. Тогда в Аргентине был большой строительный бум и на постройках всюду искали рабочих. Большая группа мужчин и бездетных семейств из нашей группы устроились на постройке большой текстильной фабрики в пригороде Вижа Аделина, поездом 40 минут от порта. Им дали участок и материалы для постройки барака на 20 комнат размером в 5 на 4 метра, с условием, что на постройку должны явиться 20 человек. Среди явившихся на работы были, как мне говорили, один священник и один дьякон, которого аргентинские рабочие называли «медико кура», т. е. « полусвященник». За пару недель они построили такой барак, по памяти на немецкий манер. Немцы были большими мастерами для постройки разного типа бараков. Мои сёстры устроились прислугами, с жилищем, в двух разных домах, а моя мама кухаркой в большом доме одного врача и депутата Аргентинского Парламента. Ей дали одну комнату, в которой могли также жить я и мой брат. Однако, я должен был работать у одного знакомого этого депутата, который оказался немцем, женатым на одной немке, утверждавшей что она аристократка, бежавшая от Гитлера. Я должен был связывать по дюжинам кастаньетки для детей, которые этот немец затем развозил на продажу по игрушечным магазинам. Он должен был мне давать обед и платить 10 центов за дюжину связанных кастаньеток. На обед он мне давал чашку кофе с молоком, с куском белого хлеба, сливочным маслом и мермеладом. В месяц я зарабатывал около ста пезо. Килограм хлеба тогда стоил, кажется, два пезо. Я должен был всё терпеть, ибо ни мне ни моему маленькому 10-летнему брату негде было жить.

Приблизительно через год, наши знакомые и друзья по кораблю нам сообщили, что в их бараке в Виже Аделине освобождается одна комната, и что мы можем туда переехать, что мы вскоре и сделали. Я снова начал искать работу по газете, и вскоре поступил чернорабочим на одну немецкую фабрику керосиновых печек и примусов, две железнодорожные станции от нас. Мои сестрички поступили рабочими на текстильную фабрику, в бараке которой мы все жили, что легитимировало наше присутствие в нём. В нашей комнате в бараке стояли две двойные кровати, в два этажа, но больше не было никакой мебели. Наши друзья по кораблю нам указали, что в каком-то магазине можно купить части для стола, который затем нужно было самому собрать, что я и сделал. Так я впервые за полтора года смог завтракать и ужинать за столом, а не на моих коленях. Обедал я на фабрике, на скамейке: я поедал бутерброт, который мне готовила моя мама.

Вскоре нам наши соседи в бараке возбужденно сообщили, что в следующее воскресенье будут продавать с молотка участки по 230 квадратных метров не месте какой-то бывшей усадьбы, в 12 кварталах от нашего барака. Тогда многие новоприехавшие покупали такие участки и на них строили свои «избы», как я говорил. Все помогали друг другу, и нам тоже обещали помогать. Я купил один такой участок, за который я должен был платить в течение десяти лет ежемесячно 160 пезо, что равнялось приблизительно половине моего месячного жалованья. Вскоре мы купили пару тысяч кирпичей, и тогда по субботам и воскресеньям вся наша семья, включая мою маму, при помощи двух-трёх друзей с корабля, стали строить одну комнату в 4 на 5 метров. У меня от этого расстроились немного нервы, и врач на заводе мне дал какие-то пилюльки с бромом, и мне

тогда всё стало безразлично. Приблизительно через год, в конце 1951 года, мы переехали в наш дом, пока что без пола, без потолка и без стёкол в окнах, с помпой для воды и с уборной во дворе. Наша мама была очень довольна, а значит и все мы – тоже. Я в этом доме прожил около 35-и лет, правда затем сильно расширенном. Мой младший сын Андрей родился когда я в нем жил.

Через несколько месяцев, в середине 1952 года, моя сестра Елена нашла для меня работу у одного немца из Эстонии, женатого на русской, у которого она уже работала. Он имел мастерскую, которая производила галстуки, и я должен был их развозить по всему Большому Буэнос-Айресу, а затем и получать за них деньги. Мое жалование было маленькое, но это не была грязная работа на металлургической фабрике. Другая моя сестра Людмила устроилась на лучшую работу на одной большой текстильной фабрике, недалеко от нас. Так, через четыре года после нашего приезда в Аргентину, мы все смогли кое-как устроиться, и, самое главное, приобрести собственный скромный кров над нашей головой.

Мои первые впечатления от Аргентины

Мои первые впечатления от Аргентины и от Америки вообще были не совсем ясными и в то же время они были разнообразными. Например, можно отметить несколько общих впечатлений:

Первое мое впечатление, уже в порту, было, что это страна без шовинизма. В этом отношении, все её жители были равны, даже если и не говорили или говорили очень плохо на испанском государственном языке. Ясно чувствовалось, что подавляющее большинство жителей столицы, да и некоторых частей аргентинских провинций, были сыновьями, внуками или потомками таких-же инмигрантов, как и мы. Подавляющим большинством населения Аргентины являются потомки итальянских инмигрантов. Согласно серьёзным источникам, доля генетических итальянцев в Аргентине сегодня достигает от 65 до 70 процентов. В том числе и моя жена является внучкой итальянцев, по отцу и по матери. Родители её отца Атилиа Баукиеро (Atilio Bauchiero) были из под Турина, а матери Люизы Гариботти (Luisa Garibotti) были из Генуи. Сегодняшний президент Аргентины Маврикий Макри (Mauricio Macri) тоже потомок итальянцев, вернее калабрийцев, т. е. потомков греческих поселенцев Италии, бывших православными приблизительно до конца Средних Веков. Это откладывает сильный отпечаток на характер и стиль жизни в Аргентине. На втором месте населения, по этническому происхождению, можно считать испанцев и креолов, т. е. потомков испанских завоевателей. Местное немецкое посольство считает, что при общем населении в Аргентине сегодня в сорок с лишним миллионов человек, этнических немцев сегодня в Аргентине около одного миллиона человек, включая «русских немцев», т. е. немцев, которые прибыли сюда из России, после столетнего в ней пребывания. В конце 19-го и в начале 20 века сюда прибыло также около 100.000 евреев из Российской Империи, главным образом из польских губерний. Притоку инмигрантов из Европы в Аргентину сознательно благоприятствовали все аргентинские правительства конца 19-го века и начала 20-го века, а затем правительство генерала Перона в середине 20 века.

Вторым моим впечатлением в Аргентине была бытовая свобода. Например, меня приятно шокировало большое количество продовольственных и деликатесных магазинов, открытых до 8 часов вечера, а в центре города и того позднее. В Германии же, откуда мы прибыли, все магазины тогда закрывались строго в 6 часов вечера. Кроме того, что было еще важнее, все могли исполнять и предлагать любые ремесленные услуги, что в Западной Европе не всегда было свободно. Таким образом, все мы могли говорить, что мы электрики, механики, парикмахеры, столяры, мастера-строители и вообще, что угодно, но не врачи и не инженеры, ибо эти профессии требовали обладания университетскими дипломами.

Однако, одновременно в Аргентине был сильно развит дискриминационный корпоративизм, иногда доходящий до абсурда. Никто не мог поступить тогда в никакое высшее учебное заведение без аргентинского диплома средней школы. Никто не мог подписывать никакие инженерные планы, если он не имел аргентинского университетского титула. Никакой врач не мог выписывать рецепты, если он не имел аргентинского диплома. Никто не мог быть дипломатом ни военным в Аргентине, если он в ней не родился, даже если он затем стал гражданином Аргентины.

Очень важно для всех нас было радушное и сердечное отношение большинства аргентинцев ко всем сожителям в стране, независимо от их национальности, а в случае нужды и нормальная человеческая помощь. Однако, большинство аргентинцев имеют мало времени и охоты для более близкого общения и для принятия гостей, как это отметил генерал фон Шварц в своих мемуарах, опубликованных в Кадетской Переключке.

Мне кажется, что это расхождение в привычках, как и другие подобные расхождения, вызваны различиями в шкале ценностей. Все четыре больших культурных мировых региона, являющихся наследниками древней греко-римской цивилизации, а именно Западная Европа, Россия, Латинская Америка и Англосаксонская Америка, в основном имеют схожие мировоззренческие ценности, ибо таковые имеют общие источники. Однако, со временем они немного перетасовались, и сегодня эти ценности занимают различные места в шкале ценностей каждого из этих регионов. Отец Филипп де Режиш мне один раз сказал, когда я его случайно встретил на одном пригородном вокзале, что Аргентина еще не находится в юрисдикции золотого тельца, но уже оказалась в его тени. Это тоже повлияло на размещение ценностей в шкале, господствующей сегодня в Аргентине.

Исторические контуры Аргентины

Аргентина эманципировалась от Испании в 1810 году, почти одновременно как и другие испанские вицецарства и территории в Испанской Америке. Это было во время войны Англии с наполеоновской Францией, во время которой обе стороны подвергали коммерческой блокаде своих противников. Тогда Испания была оккупирована Францией и в ней был подменён легитимный король ставленником Наполеона, что вызывало сильное сопротивление испанцев, вплоть до «герильи» против оккупатора, так впервые названной тогда в Испании (т. е. «маленькой войны»). Тогда же по всей Европе, включая Россию, прокатилась волна идеологической инфильтрации одной английской конспиративной секты среди военной молодёжи, на подобие которой через приблизительно сто лет в Турции и в России возникли аналогичные структуры, под новой кличкой «младотурков». Эти конспиративные структуры были очень малочисленными, но действовали координированно по общей хорошо продуманной и засекреченной программе. В тогдашней Аргентине, согласно официальной истории, они организовали ложу под названием «Лаутаро», из семи человек. Некоторые из них прибыли из Англии, куда они бежали от Наполеона. Они приняли активное участие в инициативе прокламации в 1810 году эманципации Аргентины, или «Вицецарства Южных Провинций», как она тогда называлась, от тогдашней испанской короны, навязанной Наполеоном. Аналогичные процессы произошли тогда почти одновременно и в большинстве остальных испанских владений в Америке. В России же тогда подобных движений не произошло, ибо Россия должна была еще справиться с Наполеоном и со всей предводимой им Западной Европой. Наши тогдашние «младотурки» вынырнули из подполья лишь через десять лет после окончательной ликвидации Наполеона.

Аргентина объявила односторонне о своей окончательной независимости от Испании в 1816 году, когда Наполеон уже был заключен на острове святой Елены, причем тогда еще обошлось без референдумов ни международных протестов. После нескольких лет гражданской войны со сторонниками испанской монархии, в Аргентине было учреждено первое её правительство, при поддержке той-же лжи. Однако, еще были очень

сильны прежние испанские структуры феодального типа. Вскоре между «объединёнными провинциями Юга», как тогда официально называлась Аргентина, началась гражданская война, которая закончилась лишь в середине пятидесятых годов, победой либеральной коалиции города и провинции Буэнос-Айреса над консервативной коалицией остальных провинций. Вскоре была написана (вернее списана с конституции США) новая конституция для новой страны и было установлено новое государство.

Исторические предпосылки политического строя Аргентины

Нельзя забывать, что в испанскую Аргентину, как и во всю испанскую Америку, после их завоевания испанскими «конквистадорами» в 16-ом и 17-м веках, был пересажен дух испанского феодализма, хотя это уже были времена абсолютизма. Сама Испания до и после окончательной ликвидации Западной Римской Империи в 476 году подверглась нескольким волнам завоевателей, главным образом вандалов и визиготов. Визиготы до этого были пару веков соседями и вассалами Византии. После их изгнания, за их арианство, они двинулись на Запад, и так дошли до Испании, где образовали несколько своих княжеств. Кроме арианства они принесли с собой из Византии некоторую культуру и кодифицированное римское право, каковое тогда уже было забыто в Западной Европе. Когда в 9-м веке в Испанию ворвались арабы, визиготские княжества на севере Испании им оказали большое сопротивление и одержали ряд побед над ними. На севере Испании образовалось два сильных королевства: Кастилья и Арагон, которые в 15-м веке соединились благодаря браку между королевой Арагона и королем Кастильи. Их называют «reyes católicos», католические короли, ибо они отвоевали от арабов южные провинции Испании и они же снарядили морскую экспедицию для открытия дороги в Индию. Эта экспедиция, под командованием генуэзца Колумба открыла Америку.

Вскоре началась колонизация Америки. В большинстве случаев, туда направлялись лишние люди из Испании, часто под руководством третьих сыновей испанских аристократов. По традиции, первый сын таковых наследовал титул и имение отца, второй учился на священника, а третий направлялся управлять Америкой. В Америке он уже юридически не имел феодальных привилегий, но получал во владение, за службу, иногда очень большие участки земли, которая в Америке полностью принадлежала испанской Короне. Де юре, этот американский «*hidalgo*» (от «*hijo de algo*», т. е. «сын чего-то») не был феодалом, но фактически, он по памяти, исполнял роль такового. Однако, после провозглашения независимости, эти землевладельцы или помещики столкнулись с новой ситуацией: короля, находящегося далеко в Испании, больше не было, а вместо короля близко в Буэнос-Айресе оказалось правительство, которое со временем начало говорить о каких-то выборах. После почти сорокалетней гражданской войны, взяла верх партия просвещённых новаторов из Порты (так часто тогда называли Буэнос-Айрес). Вскоре им пришлось как-то договориться с землевладельцами, которые к тому времени уже придумали выход из положения. Если будут выборы, то будет обман при подсчете голосов. По-испански эта формула звучала *Bendito sea el fraude*, т. е. *да будет благословен обман* (при подсчете голосов). Так власть не перейдет к черни. Получился альянс де-факто между консервативными и частично еще католическими землевладельцами и либеральной и частично вольнодумной элитой из столицы. Этот альянс поставлял около полувека президентов Аргентины, из которых многие были довольно хорошими правителями.

Тогда началось экономическое развитие страны, благодаря развитию земледелия и скотоводства. Эта продукция направлялась главным образом в Англию. Английские фирмы получили многолетние концессии на постройку, администрацию и эксплуатацию железных дорог и портов. Вскоре стал заметным недостаток рабочих рук, и тогда было решено открыть страну для широкой иммиграции, главным образом из Италии и Испании, под лозунгом *gobernar es poblar*, *управлять – это заселять*. Так, население Аргентины удвоилось за несколько лет. Однако, оказалось, что не все иммигранты хотят идти на работы в поле, а многие предпочитают быть городским пролетариатом, имеющим право

голосовать, а значит как-то влиять на результаты выборов, в обмен на какие-нибудь подачки. Так, в Аргентине в 1905 году впервые пришло к власти не консервативно-либеральное, а «радикальное» правительство, которое назначило много новых государственных служащих.

В 1899 году в Аргентине произошла коренная финансовая реформа, частично под влиянием Николаевской денежной реформы 1907 года. Суть этой аргентинской реформы заключалась в том, что эмиссионный банк (тогда это не был Центральный Банк, а «Конверсионная касса», Caja de Conversión) не имел права никоим образом предоставлять правительству ни кредиты, ни временные займы, ни покупать государственные облигации. Кроме того, выпущенные в обращение деньги должны были иметь покрытие, каковое должно было всегда расти, но не уменьшаться. В результате, между 1900 и 1944 годами средняя годовая инфляция в Аргентине равнялась 1,7 % в год, а в двадцатых годах Аргентина уже числилась среди десяти самых богатых стран мира. После того, как президентом страны был выбран генерал Перон, который изменил «де факто» эту финансовую конституцию страны, годовая средняя инфляция Аргентины между 1944 и 1974 годами сильно поднялась, и в эти годы достигла в среднем 27 % в год, а затем и того больше. Годовая инфляция является одним из самых простых и самых верных показателей экономики любой страны.

Генерал Перон раньше был военным аташе Аргентины в Италии, при Муссолини, которого по началу он копировал в некоторых аспектах. Некоторые социальные реформы тогда были нужны в Аргентине, особенно реформы рабочего законодательства, но вскоре их стали финансировать выпуском денег без покрытия. Муссолини раньше был редактором социалистического центрального органа печати. После Первой мировой войны, Социалистическая партия Италии раскололась на три части: Социалистическая, Коммунистическая и Фашистская партии. Все они следовали заветам Карла Маркса, перенумерованным в Коммунистическом манифесте, в том числе и склонность к манипуляции денег посредством эмиссионного Центрального банка.

Поначалу, генерал Перон реализовал много разных построек и назначил много новых государственных служащих. Он «национализировал» многие частные предприятия, как, например, английские железные дороги и порты, что полекло за собой уход большинства английского персонала, работавшего на них, и назначение уймы новых некомпетентных служащих. Эта тенденция роста бюрократии с тех пор продолжалась при всех последующих правительствах, главным образом как способ выражения благодарности за помощь в выборах. Сегодня в Аргентине имеется около 3,9 миллионов государственных служащих, на всех уровнях бюджета, при общем числе всех работающих в стране в 20 миллионов и числе населения в 42 миллиона. Значит, почти 10 процентов всех жителей и 20 процентов всех трудящихся страны являются государственными служащими. (В Германии сегодня 82 миллиона населения и 1,7 миллионов государственных служащих, на всех уровнях).

От этих мероприятий в конце сороковых годов, наша волна иммиграции тогда получила немало временных выгод, но затем наступила нескончаемая череда кризисов. Когда золотые и валютные запасы страны, накопленные во время Второй мировой войны, кончились, дефициты государственного бюджета стали покрываться частично долгами а частично выручкой от продажи Центральному Банку государственных облигаций, которые при большой инфляции быстро обесценивались, но никогда не выкупались. Убытки были в балансе Центрального Банка, а не в государственном бюджете. Долги же тоже могли расти до определенного уровня, а затем уже никто не хотел их возобновлять, и тогда наступал банкрот или «дефолт». Эта методология затем продолжала действовать практически и при всех последующих правительствах Аргентины.

Социалистический миф, что государственный бюджет неограничен и является бездонной бочкой, из которой можно бесконечно черпать, ибо выпуск денег без покрытия тоже неограничен, воцарился и в Аргентине. Также предполагалось, что и

государственные долги могут бесконечно расти, как раздуваемый воздушный шар, пока он не лопнет. Так наступил период «перманентных циклических кризисов» аргентинской экономики, приблизительно каждые десять-двенадцать лет.

Школа журналистики вместо юридического факультета

После разрешения жилищной проблемы, я стал думать о моем дальнейшем образовании. Я всё еще мечтал попасть на юридический факультет, но в Аргентине тогда никого не принимали ни в какой ВУЗ без аргентинского диплома средней школы. Один серб, мой новый друг Бранко Митич, сказал мне, что он знает влиятельного аргентинца, который сможет мне помочь. Я с ним несколько раз посетил юридический факультет местного государственного университета. Но меня в него отказались принять. То же самое было и с экономическим факультетом.

Я тогда был довольно огорчен, но всё же я в глубине души надеялся, что как-нибудь мне удастся записаться на какой-нибудь факультет. Вдруг, совсем неожиданно для меня, перед мной открылись новые перспективы, которые я иногда даже считаю чудом. В начале 1953 года я уже работал на моей новой работе и развозил пакеты с галстуками и разъезжал по всему Большому Буэнос-Айресу для получения уплаты за них. В один прекрасный день, я ждал пригородного поезда на конечной станции Конститусион и вдруг на пероне я встретился с одной бывшей ученицей белградской Русской Гимназии, по фамилии Каргальская. Она была на два-три года старше меня и я её не видел с 1944 года, то есть с тех пор, как я с моей семьей покинул Белград. Мы оба очень обрадовались и, в ответ на её вопрос, я ей рассказал о моих мытарствах при поисках приёма на юридический или экономический факультеты. Она мне рассказала, что она приехала в Аргентину, кажется, на пол года раньше меня и сказала, что я должен попробовать записаться в Высшую школу журналистики, в Буэнос-Айресе. Она мне дала адрес этой Школы, и сказала, что я не должен становится в общую очередь записывающихся, а попросить аудиенцию у ректора, не говоря для чего. Сразу же после этого подошел её поезд и она уехала без того, чтобы мы могли обменяться адресами. Больше я её никогда нигде не встречал, хотя я её искал и расспрашивал про неё всех знакомых русских.

Я пошел в эту Высшую школу журналистики и сделал так, как мне сказали. После довольно долгого ожидания, ректор Школы профессор доктор Люиз Гиль Монтожа меня принял. Я ему рассказал вкратце всю правду и сказал, что я очень хочу учиться. Он мне сказал, что примет меня без всяких бумаг, если я сдам через месяц экзамен по испанскому языку. Я должен буду написать под диктовку одну страницу какого-нибудь испанского писателя-классика, а затем сделать синтаксический и морфологический анализ двух фраз из этой диктовки. Этот экзамен возмёт у меня лучший профессор испанской литературы их Школы. Так оно и было. Я целый месяц усиленно изучал испанскую грамматику, а затем кое-как сдал этот экзамен по испанскому языку, через четыре с половиной года после моего приезда в Аргентину и моего с ним контакта.

В начале апреля 1953 года я начал каждый день ходить в эту школу, от семи до десяти часов вечера. Школа была платная. Присутствие было обязательным. Для сдачи годовых экзаменов требовалось более 80% присутствия. Я работал до шести часов вечера, а затем шел в Школу. После Школы я почти полтора часа ехал домой, На другой день, я должен был быть на работе в 8 часов утра. Программа в Школе мне показалась более интересной, чем я ожидал, и по моему вкусу. Было много общих предметов. Таких, например, как философия, психология, история культуры и т. д. Школа и профессора были в основном римо-католической ориентации, но в Школе учились и протестанты, иудеи, православные и даже неверующие, без дискриминаций. Тогда это была одна из двух подобных школ во всей Аргентине. (Другая была в Ля Плате, столице провинции Буэнос-Айрес). В моем классе было около ста учеников. Все они относились ко мне по товарищески и дружелюбно и помогали мне в практических работах, в которых

требовалось хорошее знание испанского языка. Я был единственным иностранцем в мем классе.

В конце первого года я удачно сдал все экзамены. В следующем году, я запоздал на несколько минут на первый урок, и когда я сел на мое место, я увидел рядом со мной незнакомую мне до этого студентку. Оказывается, она училась до этого в первом классе несколько лет раньше, а затем прервала учение из-за болезни матери, ибо она была единственная дочь. Её звали Анна Люиза Баукиеро (Ana Luisa Bauchiero). Она была на несколько лет моложе меня. Она уже работала бухгалтером на одном текстильном заводе. Она мне стала много помогать в письменных работах по-испански, а я ей помогал в таких предметах как философия, психология и история. Между нами никогда ничего не было, но когда мы в конце 1955 года сдали все заключительные экзамены и получили дипломы, нам обоим вдруг стало грустно расставаться на всегда. Тогда я ей сделал предложение, а затем попросил её руки у её отца. Я поставил лишь три условия: если будут дети, они будут православные; я всегда буду ставить на первое место служение России; она не должна курить в будущем (хотя она и не курила). Через два года мы повенчались в январе 1958 года в Воскресенском Кафедральном Соборе РПЦЗ. С тех пор мы живем дружно и счастливо более шестидесяти лет, и у нас три сына и четыре внучки и один внук. Все православные. Слава Богу. Я от неё никогда не требовал перехода в Православие, но через пару десятков лет она сама решила перейти в Православие, хотя она и до этого всегда ходила со мной регулярно в Храмы Русской Зарубежной Православной Церкви.

Моя служебная карьера в Аргентине

Во второй половине 1956 года мне удалось перейти на лучшую и лучше оплачиваемую работу. В этом мне опять же помогла моя младшая сестра Елена. Она познакомилась с одним русским эмигрантом из Парижа, который работал начальником кадров на одном немецком металлургическом заводе. Она спросила его не может ли он меня устроить служащим на этот завод. Оказывается, они тогда искали переводчика с немецкого на испанский язык, для редактирования писем президента этой фирмы. Я не имел диплома переводчика (который в Аргентине выдают некоторые уиверситеты, после четырёх или пяти лет учёбы), но в данном случае сошёл мой диплом журналиста.

Моя ивовая работа принесла большие перемены в моей жизни в Аргентине. Мое жалованье выросло с 1000 песо в месяц до 1800 песо. На работу нужно было приходиться в галстухе и пиджаке, даже в жару. На обед все служащие шли гурьбой в ближайший ресторан, в том числе и я, и тогда я, впервые в Аргентине, стал наедаться досыта. Один из двух хозяев, главный директор и президент, был из Вены, с довольно трудным характером, с тенденцией кричать за малейший промах. Он мне диктовал каждый день несколько длинных и часто скандальных писем по-немецки, и я должен был через несколько часов представить ему черновик моего перевода на испанский. Вскоре он стал брать меня одним из двух или трёх сопровождающих в его поездки в центр города, в банки и к нашему главному клиенту. Меня мои новые коллеги по работе предупредили, что с ним нельзя спорить, даже если он начнёт нести чушь. Я, однако, иногда не выдерживал.

В это время я записался на философский факультет, ибо меня стала сильно интересовать философия, частично под влиянием трудов испанского философа Ортега-и-Гассет. Мне признали мой диплом журналиста. Однако мне было очень трудно совмещать мою работу с учёбой, так что я через три года прекратил это учение.

Когда мы раз в неделю ехали в колоссальное бюро нашего главного клиента, в котором работало около 200 служащих женского пола и около 20 служащих мужского пола, мы должны были ждать нашего хозяина иногда по пол часа в передней части колоссального помещения, к нам стал подходить шеф сервиса продаваемых ими наших продуктов. Он просил нас как-то поскорее присылать уже письменно запрошенные запчасти и присланные на починку проданные ими кухонные аппараты и пылесосы, которые мы производили. Мои товарищи по «свите» нашего шефа старались убежать

подальше от этого человека, я же выслушивал его и обещал насколько мог исполнить его желания, что я и делал. Мелкие запчасти я сам привозил и отдавал ему в следующей нашей поездке, без всяких бумаг. Я это делал без никаких умыслов, а лишь благодаря воспитанию, полученном мною в нашем Русском Кадетском Корпусе в Югославии: возникающие перед нами проблемы пытаться положительно разрешать, без волокиты и без каких-либо личных претензий. Это изменило мою дальнейшую жизнь в Аргентине.

Через некоторое время наш шеф решил, что мне нечего разъезжать с ним в качестве одного из его «телохранителей», ибо у меня было много работы, как переводчика. После моего первого отсутствия в его свите во время его визитов к президенту нашего главного клиента, шеф службы сервиса этого клиента спросил остальных сопровождающих, почему я не приехал, не заболел ли я. Когда ему ответили, что я больше не буду приезжать, он побежал к своему президенту и стал горько на это жаловаться. Получился своего рода скандал. Нашему президенту было сказано, что если я не буду раз в неделю к ним приезжать, это вызовет большой скандал, ибо я удачно помогаю разрешать иногда чреватые последствиями ситуации. Потом я узнал, что какой-то адмирал аргентинского флота подарил своей жене один наш миксер, у которого вскоре сломалась какая-то часть, возможно по вине самой его жены. Адмирал несколько раз приходил, и последний раз начал кричать и угрожать, что принесёт с собой этот аппарат и бросит его с улицы через витрину во внутрь выходявшего на улицу помещения. Услышав этот рассказ, я им на другой день прислал с одним из наших водителей автомобилей и грузовиков эту запчасть, без никаких бумаг. Адмирал её получил и успокоился. Об этом случае узнал их президент, и тогда он и поставил свой ультиматум нашему президенту. В результате, я получил маленькую прибавку жалованья и меня «произвели» в «секретаря дирекции», и я должен был раз в неделю приезжать к этому клиенту для ликвидации проблем, связанных с сервисом. Так началась моя рабочая карьера в Аргентине.

Вскоре после этого, бухгалтер-немец нашей фирмы (из более чем 220 рабочих и служащих в ней более половины были прибывшие после войны иностранцы, главным образом немцы, австрийцы и чехословаки, но были и югославы, итальянцы, а шеф персонала был русский из Парижа) подрался с кем-то в баре, где он обедал. Он любил выпивать кружку пива с добавленной рюмкой водки во время обеда, и тогда он иногда немного задирался с оружающими, может быть, чтобы уравновесить свою психику, после перманентного контакта с нашим шефом. Его кто-то стукнул бутылкой пива по голове и карета скорой помощи отвезла его в госпиталь, где он пролежал чуть-ла не два месяца. Ему уже было около 60-лет, и он всю жизнь работал бухгалтером. Наш президент впал в ярость, но вскоре нашел выход из положения. Под крик «*Die Russen koennen alles*» («русские могут всё») он приказал позвать меня и объявил мне, что с этого момента я являюсь бухгалтером фирмы. Я стал протестовать, говоря, что я ни одного часа в моей жизни не учился бухгалтерии и ни одного часа не работал в этой области. Он мне ответил, что он меня научит. Если же я откажусь, я должен немедленно покинуть его фирму, ибо тогда я ему больше не нужен. Я недавно женился и у нас еще не было собственного жилья, так что я быстро, по-суворовски, принял решение. Я громко прокричал: яволь! (так точно). Мне тут же немного прибавили жалованье и я стал работать по два-три часа больше каждый день и изучать эту новую для меня профессию. Мне очень помогло то обстоятельство, что моя жена имела бухгалтерское образование, до журналистического, и работала бухгалтером несколько лет. Она мне много помогала. Затем, когда через два месяца вернулся прежний бухгалтер, он снова стал делать свою прежнюю работу, но больше бухгалтером не числился, ибо таковым уже был я. Я к нему относился с уважением и сказал ему, что я не виноват в таком положении. Он меня успокоил, и сказал мне, что он всё знает и всё понимает. Мы постепенно разделили между нами нашу работу: он продолжал заниматься бухгалтерией, а я банками и вообще финансами. Через пару лет, хозяин-президент (другой хозяин, немец из Западной Германии, тоже имевший 50 процентов капитала, работал по технической части) уезжал за границу по делам. Перед отъездом он назначил меня

финансово-административным управляющим, с правом подписывать единолично от имени фирмы чеки и векселя. Я проработал в этой фирме 24 года, до 1980 года, когда она закрылась. Работа была очень тяжелая. Особенно в годы циклических в Аргентине кризисов. Я всегда работал от 9 до 10 часов в сутки, а иногда и больше. Но иногда я получал премии, на которые я мог значительно расширить наш дом, построенный еще в пятидесятых годах, а затем купить маленький поддержанный автомобиль. В конце 1980 года я стал безработным.

Через пол года я нашел новую работу, по объявлению в немецкой газете. Хозяин тоже был немец. Но среди персонала (60 человек) не было ни одного иностранца, кроме меня. Все были аргентинцы. Это оказалось для меня весьма затрудняющим обстоятельством, ибо вся атмосфера была иной и для меня непривычной. Однако работа была для меня интересной, ибо я должен был администрировать крупные суммы денег. Я был финансово-административным управляющим и должен был навести порядок в этих секторах, в которых с годами накопилось массу упущений и много беспорядка. Мое жалование было хорошим, лучше чем на предыдущей работе. Через четыре года я решил бросить эту работу. Так как мне нехватало еще несколько лет для выхода на пенсию, я поступил работать на пол дня администратором в одну русскую старческую клинику, в которой было интернировано около 20 русских стариков и старушек и работало около 8 человек персонала, смешанного состава. Работа была не совсем подходящей для меня, но она доставляла мне некоторое удовольствие, ибо я получил возможность баловать разными способами милых и хороших русских эмигрантов-старичков. В 1989 году я вышел на пенсию, и с тех пор я больше нигде не работал за плату, а лишь иногда бесплатно на русской общественной ниве.

Русская общественная деятельность в Аргентине

Первых десять лет в Аргентине я не занимался никакой русской общественной деятельностью. Я был просто не в состоянии этого делать, хотя я регулярно участвовал в годовых общих собраниях прихода нашего Воскресенского Кафедрального Собора РПЦЗ. Кроме всего прочего, моя мать относилась очень скептически к общественным делам. Однако, через пару месяцев после моей свадьбы в январе 1958 года, меня стали упрашивать преподавать русскую историю в открывающейся тогда Школе и Гимназии русской скаутской организации ОРЮР. Я согласился и стал давать два урока истории в неделю, по субботам, в течение тридцати двух лет, безвозмездно. Несколько лет я преподавал также в старших классах Гимназии государственное и Закон Божий.

В середине шестидесятых годов меня выбрали членом Епархиального Совета РПЦЗ в Аргентине. Несколько лет я был также членом комитета нашей Епархии по проверке переводов церковных текстов а также и Церковного суда Аргентинской Епархии.

С 1970 года я сотрудничал в еженедельной русской газете «Наша Страна», до 1995 года, тоже абсолютно безвозмездно. Я за эти 25 лет написал около 350 передовиц и статей для этой газеты, кроме еженедельных колонок. После смерти владетельницы и редактора этой газеты, Татьяны Владимировны Дубровской, я был 12 лет членом её Редколлегии.

Приблизительно в это же время меня выбрали вице-председателем Кадетского Объединения в Аргентине. В 1976 году я поехал вместе с моей женой на Пятый Кадетский Съезд, состоявшийся в Монреале. Для этого, чтобы иметь аргентинский паспорт для получения американской и канадской визы, я принял Аргентинское гражданство. До этого я не имел никогда никакого гражданства, а был «бесподданным», с т. н. «паспортом Нансена», как и мои родители и мои сестры и мой брат.

В 1980 году я стал членом «Аргентинского Общества эллинской культуры». Раз в месяц я стал ходить на собрания этого общества, а затем и читать доклады по-испански на исторические темы, связанные с Грецией или с Византией. В начале 90-ых годов меня выбрали вице-председателем, а в 2003 году председателем этого культурно-просветительного общества, каковым я продолжаю быть и сегодня.

В 1991 году мпня выбрали председателем Кадетского Объединения в Аргентине, после смерти георгиевского квалера, кадета Киевского и Крымского кадетских корпусов, С. А. Якимовича, при ком я много лет был вцепредседателем. В 1995 году я начал издавать бюллетень «Кадетское письмо», приблизительно четыре раза а год, которое выходит до сих пор. Последний номер 105 вышел в июле сего года. Между 2003-м и 2009-м годами я редактировал последних семь номеров ежегодного альманаха «Кадетская переключка», издававшегося Нью-Йоркским Кадетским Объединением. Это было особенно утомительная и большая работа, ибо этот толстый журнал имел более 360 страниц, Печатался он в США, но большинство его тиража направлялось в Россию.

Более подробные детали моей общественной деятельности в Аргентине можно прочесть в моей автобиографической записке, помещенной на моем личном блоге.

Временные периодические возвращения в Россию

В 1992 году я впервые поехал с женой в Россию, на встречу с суворовцами и нахимовцами, организованную Сан-Францисским кадетским объединением. Встреча началась в Москве, а затем мы все поплыли на параходе в Санкт-Петербург. Возвращались мы в Москву на ночном поезде. В этой встрече принимало участие около ста человек с каждой стороны, насколько я помню. Встреча была очень эмоциональной и радостной.

Когда мы посещали Троице-Сергиеву Лавру, пришло не мало журналистов и фотографов. Один из них меня спросил, почему мы, русские эмигранты, не возвращаемся в Россию. Я ему ответил, что многие уже очень стары и ничего сами не могут предпринимать. Но, самое главное, это тот факт, что нас никто не приглашал и не звал. Тогда, среди нашей делегации еще было несколько кадет Крымского кадетского корпуса, которые были изгнаны из русского Крыма в 1920 году красным террором, тогда бушевавшим в Крыму под руководством какой-то венгерской террористки.

Даже с получением временной визы, у многих из нас были часто затруднения. Например, мне лично выдали тогда в консульстве РФ в Буэнос-Айресе визу лишь на 30 дней, хотя я просил её на 60 дней, ибо меня тогда просили из Академгородка в Сибири прочесть у них пару докладов после встречи. Когда же я просил визу в Канаду или в США, то мне неизменно всегда давали её на 90 дней, даже если я просил меньше дней. После трёх моих поездок на Кадетские съезды в эти страны, мне даже дали, без моей просьбы, пожизненные визы, которые затем, однако были упразднены и заменены 10-летними многократными визами. В западноевропейские страны с аргентинским паспортом вообще не требовалось визы. Из моих семи поездок с моей женой в Россию, в пяти случаях я имел какие-то затруднения с визой. Лишь последние две мои поездки в Россию были без затруднений: когда я ехал, как делегат от Южноамериканской епархии РПЦЗ на Поместный Собор РПЦ, на котором выбирали теперешнего Патриарха, мне дали визу быстро и легко. Когда я ехал на IV Съезд Суворовцев в Хабаровске и Владивостоке, в 2014 году, визы между Аргентиной и РФ уже были отменены.

На Кадетский съезд в Монтеале, в Канаде, в 2000 году прибыл тогдашний Министр Иностранных дел РФ. На заседании Министра с председателями кадетских объединений, этот вопрос тоже был затронут. Зарубежные кадеты тогда попросили министра как-то облегчить поездки зарубежных кадет в Россию на Суворовские съезды и на иные кадетские мероприятия. Подымался вопрос о двойном гражданстве или о выдаче постоянных или более долгих многократных виз. Тогда было предложено зарубежным кадетам прислать фотокопии своих паспортов в Консульство РФ в Монреале, через местные посольства. Я тогда лично передал фотокопии моих документов послу РФ в Аргентине, но больше никогда никакого ответа не получил. Один дипломат мне тогда сказал, что «бюрократические недра» МИД-а РФ не были согласны с нашей просьбой.

Через почти 15 лет, видные руководители суворовцев в РФ мне посоветовали написать письмо лично президенту РФ, с просьбой вернуть мне гражданство моего отца, полковника Н. А. Андрушкевича, которого он был лишён во время Гражданской войны. Я

это сделал, и послал это письмо через суворовские инстанции, но никогда никакого ответа не получил. Некоторые зарубежные кадеты мне тогда сказали, что так лучше. Нас признали русскими соотечественниками РПЦ и ветеранские организации суворовцев и нахимовцев, и этого достаточно. Если же само государство нас еще не может таковыми признать, то это лишь подтверждает, что само это государство еще имеет гибридный характер, некоторые составляющие элементы которого нас не считают своими соотечественниками. Если бы они нас признали таковыми, то можно было бы утверждать, что и мы взаимнообразно тоже признаем эти элементы, в том числе и звёзды Троцкого и главный коммунистический тотем на Красной площади, хотя это, конечно, не так. Я лично был членом Поместного Собора 2007 года РПЦ, и этого для меня достаточно.

Подобные гибридные позиции можно наблюдать и по отношению к представителям древних русских княжеских родов рюриковичей, некоторые из которых были в течение веков постоянными членами Боярской Думы России. Как известно, в Аргентине проживали и проживают представители некоторых из этих родов. В 90-ые годы, официальные журналисты РФ попросили моего содействия, чтобы получить интервью у князя М. А. Горчакова, прямого потомка известного канцлера России и почетного старосты и регента Храма Св. Сергия Радонежского РПЦЗ в Вижа Бажестере. Я помог, и большое взятое у него интервью было опубликовано в каком-то официальном органе МИД-а РФ. Однако, когда князь скончался, местное посольство не прислало ни на его отпевание ни на его похороны никого, и также не прислало никакого венка. Когда, в этом 2018 году, скончалась его дочь, княжна София Михайловна Горчакова, на её отпевание и на панихиду в Воскресенском Кафедральном Соборе РПЦЗ пришло много народа, но не пришел никто из Посольства.

Вообще, нужно отчетливо указать, что после закрытия РОВС-а в 2000-м году и после канонического объединения РПЦ и РПЦЗ в 2007-м году, русская политическая эмиграция, как таковая, юридически перестала существовать. Как было неоднократно отмечено в Кадетском письме, Русская политическая белая эмиграция была учреждена РПЦЗ и РОВС-ом. Её дожившая до этого момента часть сегодня стала частью Зарубежной Руси, ибо учредившие её инстанции изменили коренным образом свои позиции по этому вопросу и отказались от оппозиции и враждебности по отношению к современной государственной власти в России, которая уже не является прежней узурпаторской, террористической и диктаторской властью. Хотя все бывшие русские эмигранты имеют право высказывать свои мнения и даже несогласия с современной властью, как и сами граждане ей подвластные, но они уже не эмигранты. Если же им не возвращают их гражданство, то они юридически превращаются из эмигрантов в изгнанников.

Значит, Русская эмиграция как таковая больше юридически не существует, хотя де-факто некоторые потомки членов таковой могут себя так именовать. Юридически все потомки Русской белой эмиграции имеют право требовать возвращения им незаконно отнятого у их предков русского гражданства. В случае отказа, без ясных и справедливых причин, они становятся изгнанниками, в рамках Зарубежной Руси.

Заключение

В заключение, мне кажется, что я должен ответить на вопрос, доволен ли я моей 70-летней жизнью в Аргентине. Ответить на подобный вопрос не легко, ибо ответ весьма сложный, и глубоко личный. Конечно, я не доволен тем, что я не мог жить свободно ни в России, Родине моей матери и моего отца, ни в Югославии, где я сам родился и где родились мои сёстры и мой брат. Однако, я доволен тем, что я не остался в Германии, ни переехал в англосаксонские страны. После такого моего заявления, меня иногда спрашивают: если не в Германии, то может быть я хотел бы остаться в Западной Европе в какой-нибудь другой стране? Я думаю, что я хотел бы жить, пожалуй, только в Италии, но все подобные ответы зависят от многих обстоятельств.

А хотел бы я жить в какойнибудь другой латиноамериканской стране? Я более или менее знаю характер жителей почти всех латиноамериканских стран, и отношусь ко всем с немалой симпатией, но жить бы мне нравилось лишь в одной из всех этих стран, кроме Аргентины, а именно в Уругвае. Эта бывшая часть Вицекоролевства Рио де ля Плата, т. е. сегодняшней Аргентины, лежит на берегу моря, причем лесистого, с однородным населением, состоящим в большинстве из креолов и потомков итальянцев, хотя есть и другие незначительные меньшинства, но практически нет, как и в Аргентине, ни азиатских ни африканских меньшинств, хотя мне лично они не мешают. Я частично и живу в Уругвае уже полвека, ибо с 1966 года я ежегодно провожу один месяц летом в Уругвае. Кроме того, там уже несколько лет живут мой средний сын Александр со своей женой и мои две внучки: Любя и Кира. Это спокойная и культурная европейская страна в Южной Америке, с хорошей инфраструктурой, с хорошим климатом и красивыми пейзажами.

Меня также иногда спрашивают, почему я не хотел эмигрировать в США или в Канаду, тем более, что это было тогда, после войны, возможно для военных беженцев? Я до сих пор не хотел отвечать в большинстве случаев на подобные вопросы, но сегодня я считаю своим долгом быть искренним в моем ответе.

В США я не хотел ехать по нескольким причинам. Одна из них следующая. На Православную Пасху 1944 года сотни, а может быть и тысячи, американских самолетов сбрасывали на меня и на жителей православного Белграда в течение целого часа свои бомбы, хотя Сербия была союзницей США. Никаких немецких учреждений а тем более немецких военных объектов тогда в центре Белграда не было. От моего дома до русской церкви в центре города нужно было идти пешком около часа, ибо эта ветка трамваев во время войны не работала. За всё время, пока я шел в русскую церковь, на мирное население Белграда, празднующего Пасху, падали бомбы. Никаких немцев ни немецких объектов на моей дороге не было. Сначала сербы кричали: *это наши союзники летят!* Вскоре они замолчали. Несколько моих русских и сербских друзей тогда погибло. Эти бомбардировки продолжались затем до моего отъезда из Белграда, в начале сентября 1944 года. (Они возобновились через 46 лет, но уже в компании с немцами, тоже на первый день православной Пасхи, что подтверждает религиозную нетерпимость Запада к Православию, несмотря на все декламации о человеческих правах). Во время моих скитаний с моей семьёй во время войны, я не однажды попадал под обстрел англо-американских самолётов, особенно во время перемещений на беженских поездах. Когда мы ехали беженским поездом, в котором были только дети и женщины, из Кемптена в Бухлое, на нас три раза за пару часов были совершенны такие нападения. Поезд тогда останавливался и по громкоговорителю призывали всех пассажиров отбежать на 50 метров от поезда. Так вот, я не хочу жить вместе с теми, кто меня столько раз бомбардировал.

Кроме того, мне не нравится идеологическая и политическая атмосфера в англо-саксонских странах. Я в них чувствую какую-то тоталитарную идеологическо-мировоззренческую атмосферу. Я наблюдал подобное чувство и у многих послевоенных европейских беженцев, переехавших в США.

В Аргентине я всегда чувствовал себя свободным. Никакого идеологического или мировоззренческого гнёта я здесь никогда не чувствовал. Больше того, я всегда свободно всюду высказывал мои личные мировоззренческие чувства и мнения, и во время учёбы и на работе, и никто никогда меня за это не порицал, хотя часто и высказывали свое полное или частичное несогласие со мной. Но меня это тоже не раздражало. Я почти сорок лет являюсь активным членом Аргентинского общества эллинской культуры, а с 2003 года меня выбрали его председателем. Всё это время я ежегодно читаю несколько публичных докладов на исторические темы, на испанском языке, в рамках которых я часто высказываю спорные мнения, но за это никто никогда меня публично не осуждал. Когда я во время моих поездок в Германию из Аргентины высказывал в закрытых интеллектуальных кругах подобные мнения, я часто (но не всегда) наткнулся опять же на схожий идеологический тоталитаризм, как и в США, иногда неприятный.

Под конец, я еще хочу отметить, что в Аргентине я полностью прикоснулся к большому Латинскому миру, состоящему не только из Латиноамериканских стран, но также из Испании, Италии, Франции и Португалии. Испанская классическая литература является мировым шедевром, особенно испанская поэзия. Испанские философы XX века, в первую очередь Ортега-и-Гасет, являются авангардом мировой философии. Про Францию нет необходимости что-то говорить. Португалия тоже очень интересная страна. Всех превосходит Италия. В Италии началось культурное Возрождение Западной Европы, возникшее благодаря влиянию тогдашней православной греческой Калабрии и эмигрантов из Византии. Я бывал в очень маленьких итальянских городках и видел в их книжных магазинах такие книги, самых разных отраслей, которые не всегда можно увидеть и в больших городах многих стран. Я получил широкий доступ, благодаря моей жизни в Аргентине, не только к испанским и итальянским мирам, но и ко всей романской культуре.

Мне иногда говорят, что Аргентина не единственное окно в романскую культуру. Это правда, но из всех окон виден один и тот же окружающий мир. Суть нашего эмигрантского бытия как раз в этом и заключалась, что мы сами мало что могли выбирать, а должны были терпеливо нести свой крест изгнания, каждый на своем месте. Не забывая при этом, что мы должны были одновременно служить, по мере наших сил, исторической России, а также и приютившей нас стране.+

Буэнос-Айрес, сентябрь 2018 г.

И. Н. Андрушкевич

*(7-ая глава Воспоминаний, помещенных на блоге:
<http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar/>)*